

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ

Опасные желания;

Tate Engine
«ПОМЕШАТЕЛЬСТВО»

TATE ENGINE

Точность

**LIKE
BOOK**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е62

Иллюстрация на обложке *Киры Мори*
Художественное оформление *Анастасии Грищенко*

Engine, Tate.
Е62 Помешательство / Tate Engine. — Москва :
Эксмо, 2026. — 640 с. — (Опасные желания).

ISBN 978-5-04-233792-5

Софи:

Конец знойного бостонского лета, последние безудержные вечеринки с друзьями, подготовка к университету — наступающий сентябрь обещал мне начало новой жизни. Моя мама наконец была счастлива, потому что встретила достойного человека, правда, к нему прилагался чересчур агрессивный сын, чья сногшибательная внешность не могла скрыть внутреннего уродства.

Я знала, что он возненавидел меня с первой встречи, и понимала, что нужно бежать. Но в этом не было смысла. Тогда я еще не подозревала, что, если у Кристофера Нолана появлялась навязчивая идея, он не гнушался использовать самые грязные методы, чтобы достичь цели. Мне просто не повезло, ведь в этот раз его навязчивой идеей стала я.

Приятно познакомиться, Кристофер. Я сделаю все, чтобы держаться от тебя подальше.

Крис:

Меня раздражало в ней все, одно лишь ее присутствие приводило в гнев. Будущая сводная сестра, я вылезу вон из кожи, чтобы нелепый брак наших родителей не состоялся. Не помню, когда я придумал план переспать с этой девчонкой и разбить ей сердце, но сейчас я уже сам не мог понять, где заканчивался мой спектакль и начиналось помешательство на чертовой Софи Кэрролл, которая, сама того не зная, поселилась у меня под ребрами. Плевать. Это ничего не меняло.

Неприятно познакомиться, Софи.

Я сделаю все, чтобы превратить твою жизнь в ад.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-233792-5

© Tate Engine, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

Кристофер

«Я не хочу любви. У меня просто нет на нее времени. Это слабость. Но я мужчина и, конечно, иногда хочу женщину. <...> Я не могу побороть свою страсть, но я ненавижу ее; она держит взаперти мой дух. <...> Женщины ничего не знают, кроме любви, они придают ей до смешного нелепую важность. Они хотят убедить нас, что она главный смысл в жизни. Но любовь — это малость. Мне известна похоть. Она естественна и здорова. Любовь же — всего лишь болезнь. А женщины — лишь инструмент для моего удовольствия; я не могу терпеть их желания быть нашими помощниками, партнерами и компаньонами¹».

Парадокс в том, что даже в самых скучных книгах я находил строки, за которые мог зацепиться. В свое время моей матери нравилось творчество Моэма, а я просто глотал все подряд из нашей домашней библиотеки, чтобы мой еще не до конца пропитый мозг не загнивал. Возможно, я зря тешил себя надеждой, что это поможет.

Захлопнув чуть потрепанный временем не слишком толстый томик, я откинулся на спинку кресла,

---

¹ Уильям Сомерсет Моэм «Луна и грош» в авторском переводе.

прикрывая веками покрасневшие белки глаз и чуть расширенные зрачки. Буквы уже расплывались, не складываясь в текст, голова начинала гудеть. Лучшее, что я мог сделать для своего организма, — просто поспать пару часов, компенсируя свой хронический летний недосып, но в этом доме мое состояние мало кого волновало.

Главный герой начатого мною романа — художник — был популярен среди женщин, одна из которых, ведомая яростным кличем своего сердца и вожделием, даже ушла из семьи ради него, хотя была поставлена в известность, что он избавится от нее без раздумий, как только та начнет надоедать. Так и случилось. Мужчина со временем совершенно потерял интерес к обнаженному телу своей натурщицы, которая по совместительству была его любовницей и просто обезумевшей от страсти к своему мастеру женщиной. Милая пташка не выдержала боли предательства и покончила жизнь самоубийством.

Какая трагедия.

Однако я совершенно не питал к героине даже чего-то отдаленно похожего на сострадание. Меня тошнило от того, какая она бесхребетная и жалкая.

Художник ничего ей не обещал и даже открыто говорил о том, что их союз не будет долговечен. Но эта идиотка все равно пошла на поводу у своей гнилой душонки, ушла от безумно любящего ее мужа и закончила свою жизнь так ничтожно, что читать эту книгу дальше просто не было никакого желания, несмотря на то что эта сюжетная линия была даже не основной.

Я испытывал отвращение к этой женщине.

Я понимал главного героя.

Не провести параллель между нашими взглядами на жизнь было просто невозможно.

Моим любовницам я тоже ничего не обещал, но они никогда не теряли надежды стать для меня особенными. Они бросали своих сладких мальчиков, чтобы унизительно укладываться в мою койку по первому зову. Они говорили, что совсем не против свободных отношений, что не ждут от меня ничего серьезного, что им со мной просто очень и очень хорошо. А потом оказывалось, что у каждой из них все же имелись ожидания на мой счет, которые я не оправдывал. Девчонки срывали свои нежные голоса до хрипа, надрывали глотки, крича мне вслед, что я конченный подонок. Тоже мне новость! Запишите свои претензии в книгу жалоб и предложений, а потом засуньте ее себе в задницу.

Я был раздражен. Тошнотворная сюжетная линия лишь подкинула дров в тот грандиозный кошмар, что грозил потревожить мой покой. Эдакий непредвиденный поворот событий в судьбе главного героя, который должен был изменить его жизнь на «до» и «после», но вовсе не обещал, что «после» будет лучше. Самым страшным было то, что в этот раз главным героем новой трагикомедии был я сам.

История стара, как наш ущербный мир: нагрел свои булочки в насиженном гнездышке, установил в нем свои порядки и правила, привык, но тут прилетает огромная птица со своим замызганным птенцом и в надежде построить своему детенышу достойное жилище начинает тащить соломинки из твоего.

Простите мне мою неизлечимую любовь к метафорам. Откровенно говоря, все это напрямую было связано с моей семьей, которая в ближайшее время обещала стать почти полноценной: с мамой,

папой, сыночкой-корзиночкой и лапочкой-дочкой. Как с уродливого стокового изображения, где счастливое семейство неискренне улыбается в камеру и показывает большие пальцы вверх.

Я подавил рвотный позыв и, когда в гостиную зашел отец, снова уткнулся в книгу, даже не обратив внимания, на какой именно странице ее открыл.

«Она обладала бесконечным терпением и была готова на все, чтобы привязать меня к себе. Она желала опустить меня до своего уровня; я ее совершенно не волновал, она просто хотела, чтобы я принадлежал ей. Она была готова сделать все на свете для меня, кроме одного: оставить меня в покое»¹.

Как жизненно.

Почему-то ни одна из моих девчонок, и неважно, состояли ли мы в отношениях (если это можно было так называть) или же просто совокуплялись, как кролики, на любых горизонтальных поверхностях, не интересовалась моим внутренним миром (вероятно, потому что мой член находился снаружи). Они не знали о моих увлечениях и интересах, не спрашивали о проблемах в семье, не волновались за мое состояние. Но вот сделать меня своим — всегда пожалуйста. Чтобы просто иметь возможность рассказывать своим тупорылым подружкам о том, что именно она оказалась настолько особенной, что сумела приручить такого кобеля, как я.

Не на того напали, девчата, попридержите свои собственнические замашки. Единственная женщина, которой удавалось мной манипулировать, умерла пять лет назад, и я сомневаюсь, что кто-то

---

¹ Уильям Сомерсет Моэм «Луна и грош» в авторском переводе.

из вас сможет перенять ее талант вить из меня веревки.

— Кристина с дочерью будут ждать нас в восемь, не опаздывай.

— Ага.

Главное, не отвлекаться от книги. Мой отец не за красивые глаза имел статус одного из ведущих психологов Бостона и прочитал в моем взгляде все, что я думал о предстоящей встрече, смог бы на раз-два.

Эта самая Кристина, чтоб она свалилась в овраг по дороге в центр из своей дешевой съемной квартиры на окраине города, претендовала на звание дамы сердца моего папеньки. Судя по ее фотографиям в социальных сетях, она не была похожа на разукрашенную молоденькую потаскушку, коих раньше пытался приводить в дом отец, но и особого доверия не вызывала: женщина в возрасте, денег по нулям, еще и дочурку пытается пристроить в местный университет. Сомневаюсь, что она с Мартином по большой любви, если только мы не говорим о любви к денежным средствам.

— И следи за языком сегодня вечером, Кристина — замечательная женщина, я не хочу, чтобы ты ее обидел. — Это не было просьбой. Слишком не в стиле Мартина. — Она не похожа на тех девушек, с которыми я раньше встречался.

— Потому что ей больше двадцати? — не удержался я.

— Именно. Ей тридцать восемь, Кристофер. — Отец не имел привычки отвечать на мои провокации, предпочитая говорить прямо и по факту.

В этот момент мне явно стоило заткнуться, я понимал это где-то на уровне подсознания.

— Ты полюбил обвисшие сиськи? — Таким образом я в очередной раз убедился в том, что единственные части моего тела, которые совершенно не поддавались контролю, — мой член и язык.

Я закусил нижнюю губу, чтобы из моего рта больше не посмело выйти нечто подобное. Портить отношения с отцом — последнее, чего я желал. Во всяком случае, пока зависел от него финансово. Папа действительно сыграл огромную роль в моем воспитании, даже смог собраться после смерти жены, всеми силами стараясь обеспечить мне достойное будущее: мне за многое стоило быть ему благодарным.

— Спасибо за то, что всегда меня поддерживаешь, сын.

Чертов мозгоправ. Как одной фразой заставить ребенка чувствовать себя последней сволочью? Спросите у моего отца. Он с удовольствием поделится своим опытом, правда, за определенную плату. Лучше бы наорал, приказал закрыть рот. Но нет, нужно было меня пристыдить, как нашкодившего школьника.

— Прости, — сквозь зубы, конечно. По-другому я не умел. — Ты прекрасно знаешь, что я не в восторге от того, что ты вообще с кем-то встречаешься после нее, так что не принимай близко к сердцу.

— А ты также прекрасно знаешь, как сильно я любил твою мать и что я сделал все, что от меня зависело, чтобы она прожила столько, сколько прожила. — Отец строго посмотрел на меня через отражение в зеркале, перед которым поправлял свой галстук. Я продолжал расслабленно сидеть в кресле, время от времени делая вид, что увлечен чтением. — Для человека, который спит со всем, что хотя бы от-

даленно напоминает женщину, ты слишком сурово ограничиваешь мою личную жизнь.

— Меня не волнует, с кем ты спишь, папа. Просто не надо из каждой второй пытаться сделать для меня новую мать.

— Кристофер, я не пытался...

Ну конечно, все было на добровольно-принудительной основе, потому я не мог его не перебить.

— Ты приводил их в дом, ты просил меня улыбаться им! — Получилось чересчур эмоционально, и я сбавил обороты. — Это даже смешно, потому что ты взрослый человек, к тому же с такой профессией, тут и ребенку было бы ясно, что их интересовал не ты, а твой кошелек.

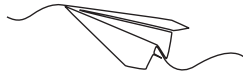
Отец нахмурился и повернулся ко мне. Чтобы достойно встретить его взгляд, я вздернул подбородок.

Мне было некомфортно в этих чертовых брюках и этой чертовой рубашке. Несмотря на то что старшая школа и два года армии по контракту были уже позади, отделаться от любви к подростковым шмоткам не получалось. Но сегодня особый случай. Я должен был отвезти бумаги в университет и договориться о собеседовании с куратором, к тому же эта одежда вполне подходила для встречи с будущей мачехой и сводной сестричкой в «Брикко». Меня душило все: тугой воротничок, спор с отцом, мысли о знакомстве с Кристиной и ее дочерью. Я даже невольно скрипнул зубами.

— Кристофер, не хотелось бы тебя разочаровывать, но это пока тебе двадцать, девчонок привлекает твоя подтянутая задница и ангельское личико. Через пару десятков лет ты с удовольствием будешь раздавать направо и налево любые деньги, чтобы молоденькая симпатичная девушка просто посмотрела в твою сто-

рону. — Голос отца выдавал раздражение, хотя он отлично умел скрывать свои эмоции. — В общем, я не пытаюсь оправдаться за последние годы своей жизни, лишь прошу меня не судить: кто знает, как ты себя поведешь, если так рано потеряешь любимую женщину. То, что я решил сойтись с Кристиной, большой шаг для меня, потому что она уже состоявшаяся личность с большим опытом за плечами. Я не пытаюсь заменить тебе мать, я пытаюсь дать себе хоть один шанс не сдохнуть в старости в одиночестве.

Схватив с журнального столика ключи от автомобиля, папа двинулся в прихожую, оставляя меня наедине со своими мыслями.

Волосы у Кристины были явно крашеными, хотя ей определенно шел этот каштановый оттенок. Женщина не выглядела на свои тридцать восемь, потому что глаза у нее были живыми и яркими, а взгляд становился немного лукавым, когда она улыбалась. Она совершенно не была похожа на мою мать, но и с блондинистыми подружками моего отца не имела ничего общего.

Плюсом в копилку Кристины был тот факт, что она не лезла из кожи вон, чтобы мне понравиться. Эта женщина не навязывалась с вопросами, не проявляла наигранное участие: по большей части она разговаривала с моим отцом, позволяла себе совершенно неженственно шутить и не строила из себя кокетку.

Жирным минусом была дочь, которая так и не соизволила явиться, даже через полчаса после назначенного времени.

— Софи написала, что скоро подъедет. Я понимаю, что это не очень красиво, но она не смогла отпроситься с работы пораньше. — Я даже не стал отрывать взгляда от тарелки, чтобы хоть как-то скрыть собственное раздражение.

Еще одна вещь, которую я ненавижу в людях, — непунктуальность. Она шла где-то наравне с отвратительными попытками во всем себя оправдать. Пробки, работа, не прозвенел будильник — глупые детские отмазки безответственных и не умеющих организовать себя людей. Эта девчонка заочно не вызывала во мне симпатию.

— А где она сейчас работает?

Нет, я не вынесу типичные мамочкины рассказы об идеальной дочери, которая борется со всеми невзгодами этого жестокого мира, работая на пяти работах, успевая учиться и помогать любимой мамушке.

Я знал великое множество таких безгрешных девочек, которые крутили задницами в своих платьишках официанток, ублажая богатых дядек за безделушки, а потом ангелочками возвращались в свои кукольные домики к мамам. Мамам, которые и понятия не имели, как их святые дочери живут на самом деле.

— Прошу прощения, я на минуту.

Отец мне кивнул, Кристина вежливо улыбнулась.

Я достал из кармана брюк пачку «Мальборо» и засунул себе в рот сигарету, даже не успев выйти из ресторана.

Сентябрьский воздух по-прежнему отдавал летом. Теплый вечер, который хотелось провести совершенно иначе. Возможно, в квартире Шона, наблюдая за тем, как он трепетно целует свою обо-

жаемую Иву каждые две с половиной секунды. Возможно, в компании очередной доступной девчонки.

Глубокая затяжка обожгла глотку, и я стиснул зубы, отвлекшись на звук подъезжающего автомобиля.

Дешевая, явно подержанная тачка с покоцанным бампером. Внутри кудрявый парнишка в кепке козырьком назад и русая девчонка, улыбающаяся во все тридцать два. На вид лет семнадцати, может, немногим больше.

Я наблюдал, как она выходила из машины. Узкая юбка чуть выше колена, заправленная в нее блузка с широкими рукавами. Фигура немного угловатая, совсем плоская спереди, но сзади была ничего. Во всяком случае, в моем воображении в коленно-локтевой позе она выглядела неплохо, а эти рыжеваторусые волосы были достаточно длинными, чтобы наматывать их на кулак. Почему-то мне показалось ужасно забавным то, что я представлял это прямо в присутствии ее нелепо-кудрявого бойфренда.

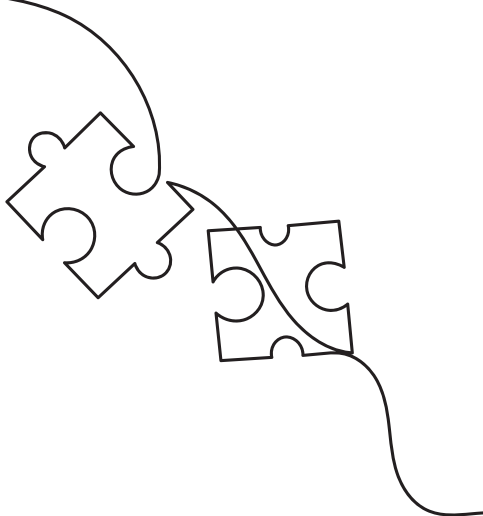
Я невольно усмехнулся, выдыхая сизый дым из своих легких.

Именно в этот момент героиня моей внезапно разбушевавшейся фантазии повернулась ко мне лицом. С расстояния в три метра было несложно разглядеть тонкие черты по-настоящему красивого лица. Черты, которые, кажется, я уже имел возможность сегодня изучить. Да и живые карие глаза сразу же выдавали сходство с Кристиной.

Неприятно познакомиться, Софи.

Глава 2

Кристофер

Я смотрел на свою будущую сводную сестру, практически не отводя взгляда, и думал о том, что меня давно никто не раздражал так сильно одним лишь своим присутствием. То, как она лукаво улыбалась моему отцу, то, как закусывала губу, отвечая кому-то на сообщения, то, как заправляла за уши волосы, чтобы не лезли в глаза, — в ней бесила каждая мелочь, и мне дико хотелось (как и несколькими минутами ранее у входа в ресторан) намотать ее волосы на кулак и аккуратно макнуть лицом прямо в ее недоеденный шоколадный десерт. Никакого садизма, просто вид ее измазанного лица здорово повеселил бы меня. Я был склонен к агрессии, но никогда не позволял себе поднимать руку на девушку, хотя теперь подумывал изменить своим принципам, потому что продолжать и дальше держать себя в руках казалось чем-то невозможным.

К слову, по большей части я всегда относился к новым знакомым довольно равнодушно. Этот вечер был исключением. Я понимал, что моя злость в первую очередь была вызвана тем, что две эти особы вмешивались в мой привычный уклад жизни, а мне, как любому другому консервативному человеку, было трудно привыкать к изменениям. К нынешней ситуа-